

СВЯТАЯ ТЕРЕЗА АВИЛЬСКАЯ

"Моя жизнь была тяжелее всего, что можно себе представить, потому что я не находила успокоения в Боге и не обретала счастья в миру... Я жаждала жизни, так как отдавала себе отчет в том, что не живу, но борюсь с тенью смертной... Моя душа устала, и, хотя я этого и хотела, мои прежние привычки не позволяли ей отдохнуть ни на миг..." (Автобиография 8, 2.12; 9,1).

Женщина, которая так говорит о себе самой в момент безнадежной духовной усталости - это Тереза Авильская. Тогда ей было около сорока лет, и она еще не предалась Богу безраздельно, хотя уже двадцать лет была монахиней-кармелиткой.

Об этом первом периоде своей монашеской жизни она пишет так:

"Я провела почти двадцать лет в этом бурном море, падая и вновь поднимаясь, но поднимаясь неудачно, потому что в конце концов все время падала снова" (8,2): "это такая презренная история, что я желала бы, чтобы мои читатели ужаснулись, читая описание души, столь закоснелой и неблагодарной по отношению к Тому, Кто послал ей столько благодатных даров" (8,1).

Так что же происходило в стенах Благовещенской обители в Авиле, где Тереза де Ахумада провела уже долгих двадцать лет? "

Я - самое слабое и презренное творение из всех людей" (7,22), - признается она, и мы можем только догадываться, какая глубокая внутренняя драма происходила в ее душе.

Однако речь идет о драме, которая для нас, конечно, непривычна; нам легко представить себе плотские, в сущности, банальные искушения, падения и раскаяния, но трудно представить духовную брань - подлинное сражение, где речь идет исключительно о любви к Богу.

Тереза говорит о своей "безблагодатной" жизни в то время, о "жизни разрушительной", но если бы мы стали в ней искать того, что обычно называем "тяжкими грехами", то результат поисков нас бы разочаровал. Она сама нас об этом предупреждает, когда пишет:

"Душа моя была больна... я попала в сети тщеславия, однако не настолько, чтобы сознательно впасть в смертный грех, даже во время величайшей рассеянности... и действительно, если бы совесть подсказала мне, что со мной происходит нечто подобное, я бы ни в коем случае не осталась в таком состоянии" (7,14).

Следовательно, в ее жизни было что-то, что даже нельзя было назвать грехом (более того, некоторые исповедники успокаивали ее, говоря ей, что ее поведение идет на благо ближнему), однако ей это представлялось настолько серьезным, что Тереза говорила о себе: "Я была как человек, который носит в себе свою погибель".

Всего этого достаточно, чтобы возбудить наше любопытство, и более того - чтобы пробудить совесть, которая с такой легкостью смиряется с привычным, становясь бездеятельной и притупляясь.

Чтобы понять, о какой драме идет речь, мы должны вернуться к детству Терезы.

В начале XVI века, когда в 1515 году в Авиле родилась Тереза де Ахумада, Кастилия открылась миру: это было уже не просто графство и даже не просто королевство. С воцарением Карла V Кастилия стала центром империи, над которой никогда не заходило солнце. Терезе еще не исполнилось и 16 лет, когда ее маленький город Авила, прекрасный, как замок, принял королеву, приехавшую туда весной с четырехлетним Филиппом II: триста пар девушек из знатных семейств (среди которых, конечно, была и Тереза) танцевали на празднике в честь прибытия их королевских величеств. Несколько лет спустя сам Карл V (который в 1530 году получил из рук Папы в церкви св. Петрония в Болонье золотую королевскую корону) торжественно вступил в Авилу, устроив одно из тех празднеств, ради которых он был способен потратить столько денег, что на них можно было бы вооружить целое войско.

В доме дона Альфонсо де Чепеда-и-Ахумада жило шесть сыновей и три дочери - их мать умерла, когда Терезе исполнилось всего двенадцать лет. Один за одним сыновья уезжали за океан, в Новый Свет, открытый Христофором Колумбом, вдохновленные отчасти желанием сделать карьеру и жадной завоеваний, отчасти - миссионерским рвением.

Дома остались три дочери, из которых самым порывистым характером обладала, несомненно, Тереза.

В шесть лет она уже умела - в те времена! - читать самостоятельно, и ее любимой книгой был Цвет святых (*Flos sanctorum*), где наряду с жизнеописанием Христа были собраны героические жизнеописания некоторых святых (мучеников, отшельников и святых дев).

Долгими вечерами эту книгу читали вместе в семье, но потом Тереза брала книгу сама и обсуждала ее со своим восьмилетним братом Родриго.

Они начинали играть во что-то вроде духовной "игры": "Есть жизнь вечная, вечная, вечная!" - говорила Тереза.

А Родриго должен был в точности повторить: "Да, Тереза, вечная, вечная, вечная!".

Потом маленькая девочка неумолимо продолжала: "И есть мука вечная, вечная, вечная!". И Родриго послушно повторял: "Да, Тереза, вечная, вечная, вечная!". Оба ребенка молчали, вместе представляя себе грозную вечность - с некоторым страхом, но и не без удовольствия.

Игра стала столь серьезной, что однажды ранним утром двое детей убежали из дому: они хотели отправиться в таинственную "мавританскую землю" (Испания была лишь недавно освобождена от арабского владычества), чтобы претерпеть мученичество за веру и войти в жизнь вечную, которая их так манила.

Дяде, которому удалось отыскать их (когда все уже оплакивали их, как мертвых, думая, что они свалились в один из многочисленных садовых колодцев), а потом и матери, которая их горестно укоряла, Родриго плача отвечал, что он послушался Терезу, но Тереза восторженно и упрямо отвечала: "Я хочу увидеть Бога!".

В своей автобиографии она потом писала с мягким юмором: "Самым большим препятствием для осуществления наших планов были наши родители".

Как бы то ни было, маленькая девочка не признала себя побежденной: если они не могли стать мучениками, они по крайней мере могли жить как отшельники (вторая категория святых, им известных); и она убедила братишку построить вместе в саду что-то вроде каменных келий. Она пишет: "Мы пытались построить стены из мелких камней, которые почти сразу же осыпались".

Конечно, это детское рвение может нам показаться забавным, однако когда Тереза уже обладала великим мистическим опытом, она писала, вспоминая об этих эпизодах своего раннего детства:

"Я с благоговейной нежностью думаю о том, что Бог сразу же, с самого начала, даровал мне то, что я потом утратила по своей вине".

В сущности, это то, что мог бы сказать каждый из нас - достаточно подумать о крещении.

Святая придавала большое значение этим событиям, объясняя их в выражениях несколько необычных, но очень знаменательных:

"Господу было угодно, чтобы в моей душе с самого раннего детства запечатлелся путь истины" (1,4).

Впрочем, в своем глубоком анализе она с предельной искренностью указывает на не вполне благие побуждения, которыми она при этом руководствовалась и которые потом имели отрицательные следствия для ее духовной жизни.

Она говорит:

"... Я страстно желала умереть так (то есть мученически), однако не потому, что любила Бога истинной любовью, но скорее для того, чтобы поскорее и без особого труда наслаждаться небесными благами, о которых читала в книге" (1,4).

Как требовательно относилась Тереза к себе самой уже в детстве! Однако именно в этом - истоки той драмы, которая мучала ее в течение всей жизни: в те времена ее более привлекала "игра" в рай, чем любовь к Богу.

И вот по мере того как Тереза вступила в расцвет отрочества, а затем - юности, она начала понимать, что, конечно, любит Бога, как любит красоту, счастье, вечность, но начала понимать также и то, что любит жизнь, свое тело, что дорожит людскими привязанностями и успехом.

Она, если можно так выразиться, любила и небо и землю, не понимая хорошенько, как можно примирить то и другое.

Как в шесть лет Тереза читала и перечитывала "Цвет святых", так теперь, в ранней юности, она тайком читала рыцарские романы, которые тогда наводняли Испанию и которые развлекали ее мать, прикованную недугом к постели...

Тереза проводила за чтением романов "долгие часы и днем и ночью" втайне от отца, и они так овладели ее воображением, что с тем же братом Родриго она написала рыцарский роман, который ходил по рукам ее родных и двоюродных братьев. Кажется, он даже пользовался большим успехом.

Тем временем она превратилась в обворожительную девушку и впоследствии в течение всей жизни очаровывала всех, кто с ней встречался.

О ней говорили: "Тереза подобна золотистому шелку, который хорошо сочетается с любой тканью и с любым оттенком цвета". И сама она простодушно замечала:

"Господу было угодно, чтобы все любили меня, и так было всегда".

Она начала следить за собой слишком тщательно для своих лет и для своего круга:

"Я начала одеваться изысканно и стремилась выезжать. Я чрезвычайно заботилась о своих руках и о прическе. Пользовалась духами и всевозможными суетными ухищрениями, но, поскольку я была очень избалована, мне их вечно не хватало".

В то же время в кругу двоюродных братьев и родных она стала поверенной всех маленьких любовных тайн, центром, где сходились нити всех привязанностей. Она исполняла эту роль простодушно, с врожденным

благородством, но находилась тогда в самом опасном возрасте, и то, что она наблюдала и выслушивала, глубоко запечатлелось в ее сердце.

Так намечалась та драма, с которой мы начали рассказ и которая заслуживала бы более глубокого психологического и богословского анализа. Здесь мы можем рассказать о ней лишь в общих чертах.

С одной стороны, Тереза по-прежнему стремилась полностью посвятить свою жизнь вечным, безусловным ценностям (что, особенно в те времена, означало монашеское призвание), с другой стороны, ее притягивало в мире все прекрасное, желанное, благородное, утонченное, изысканное.

Иногда мысль о монастыре, отрешении от суеты, очаровывала ее, а иногда она испытывала к ней "сильнейшее отвращение". С другой стороны, ей казалось, что брак тоже положит границы ее стремлению объять все сущее.

Но она была знатной испанской девушкой, чьи братья отправлялись завоевывать Новый Свет.

Так в возрасте двадцати лет Тереза решила поставить на карту все: тайком от отца, который и слышать не хотел о монашеском призвании, на заре 2 ноября 1535 года она бежала из дому в кармелитский монастырь Благовещения.

Кстати сказать - поскольку тогда Тереза была еще совсем молода - она убедила одного из своих братьев сделать то же самое и одновременно с ней бежать в доминиканский монастырь.

Впоследствии она писала:

"Я вспоминаю, и думаю, что говорю чистую правду, что когда я оставила отцовский дом, то почувствовала такую душераздирающую боль, что мне показалось, будто сильнейшей боли нельзя испытать даже при смерти: казалось, будто мне одну за одной ломали кости" (4,1).

На своем прекрасном, почти непереводаемом испанском языке она писала:

"no creo sera mas el sentimiento cuando me muera":

"не думаю, что когда я буду умирать, то испытаю сильнейшую скорбь".

Итак, "собравшись с духом", она, если можно так выразиться, приняла решение в пользу Бога. Обостренное восприятие Терезой жизни в ее "вечном" измерении (жизнь - это то, что вечно) заставило ее сделать решительный и великодушный выбор, став на путь монашеской жизни, но она считала эту жизнь "чистилищем", переходным периодом, когда необходимо пострадать, чтобы потом взойти на небо, временем тягостного ожидания.

По правде сказать, монастырская жизнь пришлась ей по душе, и она сразу же рьяно взялась за аскетическую работу над собой, явив великое самоотречение и добродетель, но, быть может, потому, что она взялась за дело слишком рьяно и что новая жизнь слишком отличалась от привычной, быть может, потому, что ей это стоило слишком большого психологического напряжения, это отразилось на ее здоровье. Ее постиг странный недуг, и никто не знал, как его лечить. Тереза пишет: "Все мое тело с головы до ног было одна сплошная боль". Неправильное, изматывающее лечение довершило дело: состояние Терезы ухудшилось и жизнь ее была под угрозой. Более того, несколько дней ее даже считали умершей.

В конце концов она пришла в чувство, но была полностью парализована и ее мучал страх смерти.

Тем, кто видел в этой болезни комплекс истерических явлений, всегда приходилось сталкиваться с единодушными свидетельствами, согласно которым Тереза была человеком уравновешенным, обаятельным, добрым, способным ободрять других, терпеливым и мягким даже тогда, когда она жестоко страдала. С другой стороны, в ее жизни и впоследствии всегда существовало это тайное противоречие: пламенная душа в хрупком теле, которое, кажется, не в состоянии выдержать внутреннего напора, но которое Тереза подчинит себе, подвергнув его суровым испытаниям (путешествиям, тяготам, заботам).

Мало-помалу силы ее восстановились: она стала мудрой, зрелой монахиней, она научилась молиться: ее любили и к ней тянулись люди в монастыре и за его стенами - в особенности те, кто хотел идти путем святости. Часто даже отец Терезы приезжал к ней за духовными советами и под ее руководством достиг такой зрелости, что умер как святой.

Вокруг авильской монахини вскоре сформировался круг друзей, очарованных ее мужественной мягкостью и мягкой суровостью.

Мы должны помнить, что она жила в то время, когда духовные проблемы интересовали даже людей, погруженных в мирские заботы и суету. О молитве и о духовной жизни тогда говорили в салонах герцогинь.

Так старая проблема стала перед Терезой с новой силой. Она пишет: "У меня был очень серьезный недостаток, ставший для меня причиной многих зол, и это было вот что: как только я замечала, что кто-нибудь, кто мне приятен, любит меня, я привязывалась к нему так, что этот человек не выходил у меня из головы. Конечно, я не хотела ни в чем обидеть Бога, но я наслаждалась, видя этого человека, думая о нем и о его достоинствах, и действительно рисковала погубить душу" (37,4).

Прежде чем продолжать, мы должны хорошо понять всю глубину этих переживаний: для Терезы речь шла не о тех несколько двусмысленных, болезненных отношениях, которые иногда завязывают даже духовные лица,

когда они не уверены до конца в своем призвании. Отношения, о которых пишет Тереза, были подлинной, глубоко духовной дружбой (много лет спустя одной своей послушнице, спрашивавшей ее об искушениях пола, Тереза простодушно отвечала, что не знает, что это такое), однако она чувствовала себя "недостойной Бога", недостойной молиться.

Желая объяснить свою драму, она, с одной стороны, говорит, что не делала ничего плохого (и в этом ее исповедники не только были согласны, но и призывали ее продолжать свое "апостольское служение"), с другой стороны, утверждает, что "обрекала себя на погибель", объясняя:

"Во мне не было целостности", "я чувствовала себя нерешительно перед необходимостью целиком предаться Богу", "мне не удавалось затвориться в себе самой (чтобы молиться), не волоча за собой всей моей суетности".

Короче говоря, перед лицом двух великих заповедей: заповеди любви к Богу всем сердцем и любви к ближнему, Тереза понимала, что на ее духовном пути пришло время, когда Бога нужно поставить не на первое место, но на единственное место (возлюбив Его "всем сердцем"), отказавшись от всех привязанностей, от всякой другой любви, чтобы потом получить все, даже ближнего, которого надлежит возлюбить, из Его рук.

Тереза почувствовала, что к ней обращен этот призыв (призыв, который Бог обращает к человеку, когда тот действительно достиг зрелости в вере), но боялась бросить все - она еще не могла полностью поверить в то, что любовь Божья сама по себе может наполнить ее сердце. Быть может, потому, что не решалась довериться Богу?

Но тут произошел случай, который помог ей решиться.

Однажды, возвращаясь с одной из тех духовных бесед, которые ее отныне лишь смущали и обедняли, она проходила перед образом бичуемого Христа, который случайно принесли в монастырь для праздничного богослужения.

Вот рассказ Терезы: "...

Как только я на Него взглянула, я ощутила такую боль, такое раскаяние из-за неблагодарности, которой я отвечала на Его любовь, что мне казалось, будто у меня разрывается сердце. Я бросилась к Его ногам, обливаясь слезами и умоляя Его даровать мне милость не оскорблять Его более". Почти в то же время Тереза встретилась с молодым священником, который, исповедуя ее, помог ей судить себя не с точки зрения зла, которое она делала или которого не делала, но с точки зрения добра, которому она могла воспрепятствовать, противодействуя изобильному излианию благодати Божьей.

Это было подобно новому рождению; Тереза говорит об этом как о начале "новой жизни".

Она пережила глубокое обращение, которое трудно описать, но о котором можно было бы в самых простых словах сказать так: древнее противоречие между миром Божьим и человеческим, между вечностью и временем, между любовью к Господу и любовью к ближнему внезапно разрешилось, когда она непосредственно, живо, как будто с глаз ее упала пелена, осознала, что Христос - это одновременно наш Бог и наш ближний, вечность, вошедшая во время, друг, с Которым можно жить рядом, разговаривать, проводить время как с любим другим другом и лучше.

Кроме того, она поняла, что Христос - это центр, где может и должно вновь сосредоточиться все.

С тех пор она безраздельно предалась молитве, понимаемой своеобразно, как стремление следовать за Христом в тайнах Его земной жизни с максимально возможным реализмом: реализмом образов и в особенности Евхаристии.

И в ее душу хлынули видения, мистические переживания, как будто действительно разорвалась та пелена, которая всегда отделяет нас от Христа, неизменно ставя перед нами искушение считать Его абстрактной идеей, чувством, образом.

Тереза писала:

"Мне кажется, что Иисус всегда идет рядом со мной... Я ясно чувствовала, что Он находится по правую сторону от меня и видит то, что я делаю, и я никогда - достаточно было немножко сосредоточиться или не быть очень рассеянной - не могла забыть, что Он рядом со мной".

Однажды Иисус сказал ей: "Отныне я не хочу, чтобы ты разговаривала с людьми", и Тереза повиновалась; не в смысле духовного немощствования (напротив, жизнь ее была как никогда полна общением с людьми, разговорами, деятельностью), но в смысле глубокого, конечного безмолвия - безмолвия человека, который, чтобы он ни делал или ни говорил, отныне всегда помнит о том, что с ним случилось... "и воспоминание исполняет его молчанием" (Отшельник Лаврентий).

Итак, все вновь может быть "сказано" и все вновь можно "возлюбить", но "в Иисусе".

Внешне случайные обстоятельства потребовали от нее снова задуматься над своим призванием: как вы, наверное, помните, она вошла в кармелитский монастырь, как в чистилище, чтобы очиститься. Близость Христа, исполненная любви, помогла ей понять старую истину: уже на земле нужно уметь предвосхищать небо, вознаграждение сторицей, обещанное Самим Иисусом тем, кто за Ним последует.

Тереза жила в монастыре, где собралось почти двести монахинь: там не было недостатка ни в практических, ни в экономических проблемах, ни в

проблемах с дисциплиной (все это тоже напоминало чистилище), однако впоследствии она говорила, что многочисленные насельницы монастыря не отвлекали ее от общения с Богом, как будто она была в одиночестве.

Тем не менее она прислушивалась к советам подруг, рисовавших перед ней проект создания маленького, бедного монастыря, с небольшим количеством сестер (двенадцатью, по числу апостолов), где царило бы глубокое молчание и подлинная бедность и который был бы "уголком рая".

После многих превратностей Тереза основала такой монастырь, собрав туда нескольких девушек из Авилы и став им духовной матерью, и там она жила в убеждении, что нашла в своей жизни спокойную гавань, наслаждаясь тем, что наконец-то достигнут синтез между вечностью и временем, между любовью к Богу, любимому безгранично, и столь же полной и горячей любовью к тем творениям, которые Он Сам ей доверил.

Тереза была безмерно счастлива, конечно, не своей собственной святостью, о которой она и не думала, но тем, что жила "с такими святыми и чистыми душами, которые желают лишь служить Господу и прославлять Его... Он доставлял нам все необходимое, хотя мы не просили об этом, а когда по Его попущению мы оставались без необходимого - что случалось довольно редко - еще сильнее была наша радость".

Это первые слова книги "Оснований", в первых главах которой Тереза собирает "цветочки" кармелитской духовности, похожие на францисканские.

Кажется, что все завершено, но, напротив, все только начинается. Покамест Тереза "умирает от желания умереть", то есть живет, по ее собственным словам, ликуя всякий раз, когда бьют часы, при мысли о том, что окончательная встреча со Христом еще немного приблизилась.

"Этот дом, - пишет наконец Тереза, - небо, если небо возможно на земле".

Но отныне она целиком принадлежит Христу и готова ко всему.

Иногда у нее действительно бывает предчувствие, что что-то еще не завершено. Она пишет:

"... Мне часто доводилось думать о том, что Бог, преисполнив таким богатством эти души (она говорит о своих сестрах), должен был иметь какую-то великую цель".

Кроме того, в ней растет желание сообщить другим то благо, которое она переживает на своем опыте. Она говорит об этом:

"... мне часто казалось, что я подобна человеку, обладающему великим сокровищем и желающему поделиться им со всеми..." (Осн. 1,6).

О том, чему суждено было случиться, мы можем заранее сказать так: до сих пор Тереза переживала как личную драму свои подчас мучительные и прекрасные взаимоотношения со Христом, ныне Христос пожелал сделать весь опыт Терезы частью живой драмы современной Церкви.

Для любой испанской монахини того времени Церковь была данностью, с которой все мирно уживались: мир был христианским миром, и все находило в нем свое положенное место: и Папа, и король, и церковная, и светская культура. Хотя единство христианского мира было разрушено Лютером, Тереза об этом ничего не знала, а Испания тогда была единой страной.

И вот внезапно ей открылся трагический и скорбящий образ Церкви того времени.

Именно тогда, когда она основала своей первый новый кармелитский монастырь, во Франции начались религиозные войны; кардинал Лоренский, приехав на Тридентский Собор, рассказал о том, какие ужасы творятся на его родине, и вести об этом дошли до маленького монастыря из двух источников: от друзей Терезы из числа духовных лиц (некоторые из них принимали участие в работе Собора как богословы) и из окружного послания, разосланного Филиппом II по всем монастырям, где он рассказывал о происходящем и призывал к усердной молитве.

Перед мысленным взором Терезы предстало невиданное зрелище: христиане, сражающиеся с другими христианами и их убивающие, подожженные и разграбленные церкви, монастыри, взятые приступом и разграбленные, надругательства над Евхаристией, ненависть и презрение к Папе и к епископам. Даже нам сегодня трудно себе представить, какими жестокостями сопровождалась религиозная рознь, почти уничтожившая христианскую Европу.

Тереза была слишком умна, чтобы сразу же не понять, что эти "великие беды Церкви", как она их называла, были печальным результатом всего предыдущего, которое она называла "положением чрезвычайно прискорбным": слишком много христиан были неверны своему призванию, особенно из числа тех, кто должен был бы целиком посвятить себя Христу и Церкви, и слишком многие осквернили лик Девы - Невесты Христовой. Об упадке монашеской жизни, впрочем, она знала и раньше.

Она еще не оправилась от этого первого потрясения, из-за которого страдала даже физически, как ее поразила другая новость, быть может, еще более страшная.

В ее монастырь явился погостить францисканский монах, который возвратился "из Индий", то есть из новых земель, открытых Колумбом.

Тереза издалека с радостью и гордостью следила за их завоеванием, которое было всенародным делом и в котором принимали участие ее

собственные братья. Она считала его славной, рыцарской миссией. Когда несколько лет тому назад она получила известие о том, что Родриго - товарищ ее детских предприятий, разделявший тогда ее мистические устремления, - погиб, сражаясь на Рио де ла Плата, она говорила об этом с другими монахинями в убеждении, что наконец-то у нее есть брат-мученик, "потому что он умер, защищая веру".

Ее брат Антонио (тот, которого она тоже было убедила принять монашество), умер сражаясь.

Но францисканец, принесший вести из Нового Света, был знаменитый о. Мальдонадо, один из самых пламенных последователей Бартоломе Лас Касаса ²⁶: великий доминиканский епископ, измученный непосильным трудом, в то время был при смерти, и о. Мальдонадо заменял его и привез в Испанию последний "Мемориал", им написанный, для мадридского двора. Совета Индий и Верховного Первосвященника.

Собратья о. Мальдонадо говорили, что если ему дать волю, то он бы целый день говорил о том, что у него на сердце: и именно это произошло у решетки маленького монастыря.

Перед мысленным взглядом и совестью Терезы проходили жестокие картины: новые народы не только не приобщались ко Христу, но, напротив, погибали, став дичью для бесчеловечных и жестоких испанских конквистадоров. Конечно, такими были не все. Но как должна была воспринимать Тереза слова, подобные страшным словам, которые приписывались Лас Касасу: "Я видел, как индейцы, умирая, с плачем отказывались от последнего причастия, потому что они не хотели попасть в испанский рай".

Быть может, это всего лишь эффектная фраза, но, бросая испанцам обвинение, она точно отражает ситуацию.

"Я была так расстроена, - рассказывала впоследствии Тереза,- что ушла, обливаясь слезами...".

"Дорого мне обходятся эти индейцы, - писала она в письме брату Лоренцо, еще бывшему за океаном, - ... сколько несчастий и у нас здесь, и у вас там: ... многие рассказывают мне об этом, и часто мне нечего сказать, кроме того, что мы хуже диких зверей...".

Но мы не должны забывать, что Тереза была не тем человеком, который бы слушал ужасные новости, смущался, а потом... о них сплетничал, как часто случается с нами: все, что она слышала, становилось для нее предметом молитвы, разговора со Христом, толчком к принятию решения.

Нам по необходимости приходится лишь в самых общих чертах рассказать о внутренней эволюции Терезы.

Прежде всего в ней зародилось сознание своей собственной ответственности, свойственное святым, которые всегда осознают свою сопричастность к происходящему:

"Быть может, именно я разгневала Христа своими грехами, и Он обрушил на землю столько бед".

Это не ложное смирение и не жалость к самой себе, но столь глубокое осознание Церкви как единого Тела Христова, столь живое ощущение той пропасти, в которую низвергается человек, совершая зло (даже если внешне оно кажется безобидным), что душу человека преисполняет чувство его сопричастности к происходящему. В своей автобиографии Тереза писала:

"Мне казалось, что я столь порочна, что все зло и все ереси мира суть следствие моих грехов" (30,8).

Очень похожие выражения встречаются также у св. Екатерины Сиенской и у других мистиков.

Однако Тереза не впала в уныние и отчаяние, но стала энергично действовать.

Второй вывод, к которому пришла Тереза, заключался в том, что не было на земле страдания, которое можно было бы сравнить со страданием Церкви. Она сказала: "Мне кажется, непозволительно скорбеть о чем-либо ином". И мы можем только представить себе, как свободен становится человек, знающий, что он страдает только ради того, за что стоит страдать, не размениваясь на бесконечные мелочи.

Третий вывод Терезы заключался в том, что она, по ее словам, должна сделать то небольшое, что от нее зависит.

Однако это "немногое" поражает нас своей решимостью и бескомпромиссностью: Тереза дала обет Богу действовать с максимально возможным совершенством, то есть обещала в каждой ситуации выбирать то, что представится ей наиболее совершенным.

Если об этом задуматься, не будучи человеком подлинно великой души, то это - страшное обещание, которое может заковать душу в тяжкие цепи. И действительно, исповедники Терезы разрешили ее от этого обета и заставили ее принести его в более смягченной форме.

Наконец, в силу стечения обстоятельств и по просьбе духовных властей она поняла, что должна посвятить себя не только руководству основанным ею маленьким монастырем, но наполнить всю Испанию монашескими общинами, подобными этой, и в конечном счете реформировать (некоторые говорят "воссоздать") весь Орден кармелитов.

К моменту ее смерти в Испании было 16 новых женских монастырей, задуманных и созданных как маленькие общины, где тайна Церкви - Невесты, Девы и Матери - нашла свое самое живое и пламенное воплощение.

Об этом великом деле подробно рассказывается в ее книге "Основания". Упомянем только о том, что в силу положения Церкви того времени и некоторых превратностей, переживаемых Орденом кармелитов, а также запутанной общественной и церковной ситуации в Испании Терезе пришлось проделать огромную работу. Ей пришлось не только предпринимать длинные и изнурительные путешествия и вести переговоры об основании новых общин, но и взять на себя тяжкий труд разобраться в массе приказаний и советов, часто противоречивых, которые исходили от лиц, говоривших от имени одной и той же Церкви.

В конце концов она даже попала в руки инквизиции, папский нунций назвал ее "непослушной женщиной, бродягой, нарушающей предписания Тридентского Собора", а в Риме генерал ордена слушал с раздражением обо всем, что так или иначе ее касалось.

Тереза переносила все это терпеливо, разумно, не падая духом, сохраняя свое женское достоинство (до нас дошли ее сочинения, которые очень понравились бы наиболее разумным из феминисток), и прежде всего - безгранично любя Христа, сообщая всем окружающим новое понимание и переживание молитвенной тайны.

До нее часто считалось, что молитва - на той ее высочайшей и глубочайшей степени, которая называется "созерцанием", - означает попытку достичь безмятежной чистоты мира Божьего, отвлекшись от земных забот.

Тереза учила своих монахинь тому, что созерцать - значит устремить мысленный взор на Святую Человечность Христа и, следовательно, на всю тайну этой Человечности: на славу Его Воскресения, но и на скорбные Страсти, не только на Страсти как историческое событие, но также на страсти, которые по-прежнему происходят с Телом Христовым - Церковью.

Церковь со своими конкретными драмами, страданиями, проблемами, отдельными людьми, из которых она состоит, - это не только то, о чем следует молиться (Тереза учила своих монахинь, что иначе они не будут исполнять своего призвания, сколько бы времени ни уделяли молчанию и созерцанию тайн Божьих), но это, если так можно выразиться, и материя молитвы, которой питается общение с Богом.

И в то время как Тереза проводила жизнь в деятельности, которая казалась лихорадочной, однако не нарушала глубочайшего покоя ее брачного союза со Христом (ей были посланы сильнейшие мистические переживания, которые она называет "духовным браком", и она сознавала, что любовь Христова действительно поразила ее сердце), ей приходилось почти против воли вести большую богословскую и учительскую работу.

На этом необходимо остановиться подробнее.

Во времена Терезы Церковь уже существовала в течение пятнадцати веков, но если вообразить себе библиотеку из всех сочинений, написанных христианскими авторами, в ней невозможно было бы отыскать почти ни одного богословского сочинения, написанного женщиной: лишь несколько произведений, написанных по большей части в восторженном состоянии.

Тереза - первая в Церкви женщина-богослов в собственном смысле слова.

Она была достаточно образована: довольно хорошо знала Библию, некоторых Отцов Церкви и многих духовных авторов, как средневековых, так и наиболее известных в ее время.

И парадокс в том, что Тереза жила как раз тогда, когда инквизиция, видевшая заблуждения и опасности во всем, включила в индекс запрещенных книг почти все духовные книги на народном языке, которые были у Терезы, приказав уничтожить их, что она послушно исполнила (Христос сказал ей: "Я буду твоей живой книгой").

Так вот, этой женщине, которая хотела бы спокойно сидеть за прялкой, пришлось писать из послушания в последний период ее жизни, с 50 до 67 лет. Если иметь в виду среднюю продолжительность жизни в то время, она была в возрасте, который сегодня соответствовал бы 70-80 годам.

Даже в почерке ее столько решимости, что графологов поражает молодая энергия, с которой она водила пером по листу. Она описала свою Жизнь, прежде всего жизнь внутреннюю, как бы рассказывая о путешествии в глубину своей собственной души.

Она описала длительные путешествия по всем испанским дорогам и все, что с ней происходило во время основания различных монастырей. Она написала духовные сочинения (Путь к совершенству), чтобы научить своих сестер и друзей молиться, чтобы создать что-нибудь новое в ответ на указ инквизитора, приказавшего сжечь другие книги. Она написала тысячи Писем, в которых беседовала с самыми различными людьми (королем, богословами, исповедниками, своими сотрудниками, домашними, монахами и монахинями), - писем, в которых перед нами разворачивается замечательная картина не только ее деятельности и ее интересов, но и тех отношений, которые возникали у нее с разными людьми и оставались надолго: в то время не было церковного движения, которое не нашло бы в ней внимательной, доброжелательной собеседницы.

Как говорил один ее современник, многие, даже король Филипп II, "получали ее письма как живое поучение для своего блага". И, наконец, в последний период своей жизни она написала своей шедевр - Внутренний замок.

Она написала это сочинение из послушания, не без сопротивления. Она говорила:

"Почему они хотят, чтобы я писала? Пусть этим занимаются люди ученые, которые учились, а я неученая и писать не умею; в конце концов я вместо одного слова напишу другое... пусть меня оставят сидеть за прялкой, заниматься хором и исполнять обязанности монашеской жизни вместе с другими сестрами. Я не рождена для того, чтобы писать, для этой работы у меня нет ни здоровья, ни головы...".

И действительно, со здоровьем дела у нее обстояли неважно: головные боли становились все чаще. Заботы все больше ее поглощали: не последней из них был страх перед инквизицией, которая тем временем тщательно изучала "Книгу жизни" (Автобиографию).

Тереза написала Внутренний замок за пять месяцев: часть - сразу, часть - с постоянными перерывами из-за путешествий и непредвиденных обстоятельств.

Быть может, многие из вас знают, что и в нашем веке была написана знаменитая книга под названием Замок. Это роман Кафки, главный герой которого призван владельцем замка и взят на работу по контракту. Он бросает все, чтобы туда отправиться, но потом оказывается в абсурдной ситуации: войти в замок он не может, но не может от него и удалиться. Он принадлежит замку, потому что связан контрактом, но не может войти туда, потому что он никому не нужен и в замок, по-видимому, нет входа. Замок недостижим.

В этой страшной притче Кафка хотел описать абсурдное состояние современного человека.

Так вот, за триста пятьдесят лет до этого Тереза Авильская, напротив, описала замок души, где много обитателей и тысячи комнат - все они расположены концентрически вокруг центральной обители, самой сокровенной, в которой пребывает Божественная Троица и из которой исходит ярчайший свет, освещающий весь замок.

Конечно, чем дальше ты находишься от центра, тем смутнее твое предчувствие, а чем больше приближаешься к нему, тем глубже постигаешь красоту Бога и самой обители, как будто приближаешься к солнцу.

Входная дверь для всех, даже для тех, кто еще пребывает в холоде и во тьме греха, в обществе животных и рептилий, кишачих на окраинах замка, - это молитва: тот, кто молится, как может, не отказываясь от молитвы, даже если он погряз в грехах, оставляет дверь открытой и питает желание ступить на тот путь, которым он должен был бы идти. И прежде всего он оставляет открытой дверь для Бога, Который всегда может обратиться к нему Свой призыв, исполненный непреодолимой притягательной силы.

Раз перешагнув порог, человек, влекомый всевозрастающим ощущением уверенности, тепла, света и красоты, будет продолжать свой путь, пока уже на этой земле не встретится с владельцем замка. Тереза подробно описывает все этапы этого пути в ярких поэтических образах, истолковывая их один за другим.

Например, когда человек доходит до той обители, где душа должна наконец предоставить себя Богу, предать себя Ему, чтобы Он ее преобразил, святая рассказывает нам притчу о маленьком шелковичном черве, которые постепенно растут, пока не начинают выделять шелковую нить, с помощью которой сам строит вокруг себя дом, где может спрятаться и умереть и из которого потом возродится в виде прекрасной белой бабочки.

Тереза объясняет эту притчу:

"Этот дом - Христос... Действительно, наша жизнь сокрыта во Христе... О, величие Божье! в сколь возвышенном состоянии выходит душа, на некоторое время погрузившаяся в бесконечность Бога и глубоко соединенная с Ним!".

Тереза писала об этом, когда она уже достигла центра замка своей души, который она называет "последней обителью".

Прося одного близкого ей человека дать богослову прочесть по секрету страницы, описывающие эту конечную точку пути, Тереза смиренно признавалась:

"Скажите ему, что известное ему лицо (то есть она сама) достигло этой обители и наслаждается покоем, там описанным. Поэтому его душа очень спокойна".

Однако это признание не должно вводить нас в заблуждение. Тереза писала: "Бог не ласкает душ" - чем больше Он их любит, тем неуклоннее ведет их всем путем, пройденным Иисусом Христом вплоть до Креста. Так по таинственному Промыслу Божьему в последние дни ее жизни с ней случилось то, что вплоть до недавнего времени показалось бы ей невозможным: она испытала то, что ее биограф называет "скорбью чувств, истекающих кровью", и "свиданием с одиночеством".

Последнее путешествие, предпринятое Терезой против воли и только из послушания, потому что она уже чувствовала себя "очень старой и усталой", было сплошной чередой унижений и разочарований: в одном монастыре из-за вопросов, связанных с наследованием, ее плохо приняли и чуть ли не прогнали, в другом, настоятельница которого всегда была к ней очень привязана, получив выговор, она встретила ее так враждебно, что расстроенной Терезе не удалось заснуть и утром она уехала в лихорадке, не осмелившись даже попросить припасов на дорогу. Во время долгого путешествия ей стало плохо и она попросила чего-нибудь поесть; сопровождавшей ее монахине не удалось найти ничего, и она, плача от

огорчения, принесла ей несколько сушеных ягод инжира, оставшихся в мешке.

Тереза сказала ей:

"Не плачь, дочь моя, - это то, чего сейчас требует от нас Бог".

Ее спутница рассказывала: "Она утешала меня, говоря, что я не должна расстраиваться, потому что инжир действительно очень вкусен и у многих бедняков нет и того".

Наконец она приехала в Альбу де Тормес и пожелала немедленно лечь в постель:

"Боже мой, - сказала она, - как я устала!

Вот уже более двадцати лет, как я не ложилась так рано".

Многочисленные кровоизлияния доконали ее. Она лежала в постели, как немощная старушка, повторяя: "Боже! не презри сердца моего смиренного и сокрушенного".

Она скорбела, вспоминая о своих грехах, и просила у Бога прощения за то, что так плохо служила Ему.

Своих сестер, собравшихся вокруг ее ложа, она учила хранить верность своему призванию и Уставу и не смотреть на дурной пример, который она им подавала. Она глядела на них и говорила: "Благословен будь Бог, приведший меня к вам!", как будто они были ее прибежищем и защитой.

Она часто повторяла, как будто для того, чтобы убедить Господа: "В сущности, я дочь Церкви", и добавляла:

"Благодарю Тебя, Господи Боже Мой, Жених души моей, за то, что Ты сделал меня дочерью святой Церкви Твоей".

Ее спросили, хочет ли она быть похороненной в Авиле, в том монастыре, который она так любила. Она была чрезвычайно удивлена и сказала: "Иисусе, можно ли спрашивать о таких вещах? Разве у меня есть что-то свое? Разве мне не дадут немного земли здесь?".

Ее биограф рассказывал:

"В пять часов вечера она попросила Святых Тайн. Ей было уже так плохо, что она лежала без движения... Когда она заметила, что к ней идут с Евхаристией, и увидела, что в дверь кельи входит Господь, Которого она так любила, то хотя она была совсем обессилена и скована смертной тяжестью, из-за которой не могла даже повернуться, она поднялась без посторонней

помощи, так что казалось, будто она хочет броситься вниз с постели, и пришлось ее удержать... Она говорила:

"О, Господь мой и Жених мой, пришел желанный час. Настало нам время увидеться. Настало мне время идти, настал час...".

К девяти часам вечера, незадолго до смерти, лицо Терезы чудесно просияло, и рука, державшая распятие, сжалась с такой силой, что отнять его так и не удалось. Она умерла, улыбаясь и как будто говоря с Кем-то, Кто наконец пришел.

Монахини всех монастырей рассказывали о чудесах, которые происходили повсюду, пока их мать была при смерти.

Монахини из Альбы де Тормес рассказывали о самом трогательном чуде: перед окном кельи, где умирала Тереза, было маленькое засохшее дерево, которое никогда не цвело и не приносило плодов. И вот после той ночи на заре все дерево покрылось белыми, как снег, цветами. Это случилось 5 октября.

И это произошло потому, что если Тереза любила Иисуса как Жениха, то Иисус еще больше любил Терезу.

Антонио Сикари. Портреты святых. Том 2.

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/page04.htm#3

http://www.catholic.uz/tl_files/library/books/sikari_portreti/